

menного русского языка 1972 (pp. 232–234). Moscow: Nauka.

Plungyan, V. A. (1983). I. Kommunikativnaya informatsiya i poryadok slov. II. Presuppozitsii v slovoobrazovanii prilagatel'nykh. *Pre-dvaritel'nye publikatsii problemnoi gruppy po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike Instituta russkogo yazyka AN SSSR*. Issue 149. Moscow.

Shvedova, N. Yu. (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.

Spiridonova, N. F. (1999). Russkie diminutivy: problemy obrazovaniya i znacheniya. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 58(2), 13–22.

Taratynov, P. A. (2014). Proizvodnye s sufiksom *-yozh* i ikh morfonologicheskie osobennosti v tekstakh russkogo interneta. In Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina (Eds.), *Sovremennyy russkiy yazyk v internete* (pp. 291–294). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Russkiy yazyk.

Worth, D. S. (1972). Morfotaktika i morfofonemika. In *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* (Vol. 1, pp. 397–403). Samarkand: Izd-vo Samarkand. un-ta.

Worth, D. S. (1975). O roli abstraktnykh edinit v russkoy morfonologii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 53–68). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). K probleme mnozhestvennosti morfonologicheskikh interpretatsii (spornye sluchai chleneniya proizvodnykh osnov v sovremennom russkom yazyke) In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 69–88). Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). O ponyatii «pozitsiya» v slovoobrazovanii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 14–25). Moscow: Nauka.

Zverev, A. D. (1975). O svyazannykh i variantnykh (usechennykh) osnovakh. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 211–216). Moscow: Nauka.

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences /
Higher School of Economics
(National Research University)
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Received on April 25, 2019

DOI 10.31912/rjano-2019.2.13

Е. А. Лютикова. Структура именной группы в безартиклевом языке. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 440 с.

Как известно, генеративное направление в лингвистике началось с анализа английского языка. Однако достаточно быстро стало ясно, что развитие теории, которая ставит своей целью исследование универсальной языковой способности человека, невозможно без привлечения данных других языков. Использование типологического материала позволяет не просто расширить теорию,

включив в нее феномены, характерные для конкретного языка или языковой семьи, — сопоставление материала разноструктурных языков позволяет из нескольких конкурирующих теоретических подходов выявить подход, наиболее адекватный эмпирическим данным. В России генеративизм стал активно использоваться в качестве исследовательской программы только в XXI в.,

однако русский язык давно служит важным источником материала как для формально-семантических исследований, например при изучении аргументной структуры глагола и видо-временной проблематики, так и в области синтаксиса, в частности при изучении синтаксиса именных составляющих [Лютикова, Татевосов 2017]. В этой области оживленную дискуссию вызывает проблема единства организации именной группы в артиклевых и безартиклевых языках. Решению данной проблемы посвящена монография Е. А. Лютиковой.

DP-анализ именной группы был впервые предложен в работах С. Эбни и А. Саболичи. Согласно этому анализу, артикль является вершиной самостоятельной группы определителя DP (*determiner phrase*) и принимает группу лексического существительного NP в качестве аргумента. Однако артикли есть не во всех языках, поэтому возникает вопрос, универсальна ли функциональная категория D. Если считать категорию D универсальной, тогда вне зависимости от наличия в языке лексических единиц, соотносимых с артиклями, именная группа обладает иерархической структурой, в которой лексическая категория N вложена по крайней мере в одну функциональную оболочку (DP). При этом синтаксическая проекция DP является локусом референциальной семантики. Противники гипотезы об универсальности DP утверждают, что соответствующая категория есть только в языках с артиклем, а в языках, не имеющих артикля, референциальная семантика выражается в проекции лексического существительного NP. Таким образом, наличие либо отсутствие артикля в лексиконе языка не просто определяет способ реализации референциальной семантики, но в целом задает синтаксическое устройство и поведение именной группы.

Е. А. Лютикова ставит перед собой цель детально исследовать внешний и

внутренний синтаксис именных групп в безартиклевых языках и показать, что структура именной группы в них повторяет иерархическую структуру именных групп артиклевых языков. Книга Е. А. Лютиковой вносит большой вклад в одну из крупнейших дискуссий в формальной лингвистике и является единственной работой, в которой представлена настолько подробная и разносторонняя аргументация по данной тематике. Изложение строится преимущественно на материале русского языка, две линии рассуждения — на материале татарского и осетинского языков; при этом активно привлекается широкий типологический фон — как в сопоставительных и иллюстративных целях, так и для подкрепления аргументации.

Монография состоит из четырех глав. В Главе 1 «Группа определителя и иерархическая структура именной группы» автор знакомит читателя с историей развития DP-гипотезы и аргументами в ее пользу. Справедливо замечается, что DP-гипотеза не утверждает, что все именные группы артиклевого языка являются DP. Группа определителя DP и группа лексического существительного NP имеют различную дистрибуцию, которой соответствуют различия в интерпретации. Из возможности самостоятельного употребления структур размера NP возникает гипотеза о различном устройстве именных групп артиклевых и безартиклевых языков. Аргументы противников гипотезы об универсальности DP сводятся к тому, что грамматические явления, связываемые с проекцией DP в артиклевых языках, в языках без артиклей либо отсутствуют, либо мотивированы семантически. Так, Ж. Бошкович предполагает, что элементы именной группы, относимые в артиклевых языках к проекции D, проявляют те же синтаксические свойства, что и прилагательные, которые входят в структуру лексического существительного NP [Bošković 2008].

Аргументы сторонников универсальности DP Е. А. Лютикова делит на три больших класса: позиционные, дистрибутивные и «барьерные». Позиционные аргументы связаны с тем, что некоторые компоненты именной группы должны располагаться в высокой структурной позиции, выше уровня прилагательных и числительных. Например, интерпретация указательного местоимения меняется в зависимости от позиции относительно числительного: ср. *эти пять аксиом* и *пять этих огромных стрекоз*, где указательное местоимение имеет значение ‘такого типа’ (см. подробнее [Kagan, Pereltsvaig 2011]).

Дистрибутивные аргументы сводятся к тому, что в различных контекстах допускаются именные группы разной структуры. Так, в предложениях характеристики именные группы в предикативной позиции могут иметь только статус NP, а добавление указательных местоимений влечет к изменению статуса именной группы до DP и превращает предложение характеристики в предложение идентификации, ср.: *Бурмин был милый молодой человек* и *Бурмин — этот милый молодой человек*. Подобное изменение в интерпретации предложения отражает связь проекции определителя с референциальными характеристиками именной группы.

Смысл «барьерных» аргументов заключается в следующем: наличие проекции DP в структуре именной группы возможно установить по эффектам непроницаемости границы именной группы для определенных синтаксических процессов. Е. А. Лютикова приводит новые аргументы этого типа для русского и осетинского языков. В частности, в русском языке названные эффекты непроницаемости обнаруживают собой типичные существительные, имеющие при себе актантный инфинитивный оборот. Так, оказывается, что названия ситуаций в сочетании с глаголом с лек-

сической функцией *Орег* демонстрируют грамматическую слитность и допускают извлечение вопросительных и относительных элементов: *Они касались подвала здания, который было **принято** [решение [превратить ~~который~~ в эксплуатируемое помещение]]*. В то же время в свободном сочетании с лексическим глаголом извлечение составляющих из зависимого инфинитивного оборота недопустимо: **Мы знаем, кем кадет **объяснял** свое [решение [стать кем]]*. Е. А. Лютикова показывает, что семантическая слитность глагольной коллокации коррелирует с отсутствием синтаксической границы DP.

Глава 2 «Посессоры в структуре именной группы» развивает идею об иерархическом вложении проекций именной группы в безартиклевых языках. Е. А. Лютикова убедительно показывает, что связь посессора с функциональной проекцией D не является универсальной: например, подобная связь наблюдается для татарского языка, но нерелевантна в русском.

Е. А. Лютикова открывает интересные факты, связанные со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргументов предметных и событийных существительных. Устанавливается регулярная закономерность прилегания генитивного аргумента к вершине. Так, если и аргумент-агенс (внешний аргумент существительного), и аргумент-тема (внутренний аргумент существительного) выражены родительным падежом, аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору: *конспект лекции брата*. В том случае, когда аргумент-тема выражен другим падежом, аргумент-агенс в родительном падеже располагается ближе к именной вершине: *эскизы Куманькова к этой картине, естественное недовольство артиста самим собой, торговля англичан опиумом*. Таким образом, линейное расположение аргументов определяется

способом их оформления и семантическими ролями.

Тезис о многоуровневом устройстве именной группы подробно аргументируется в Главе 3 «Признаковая и линейная структура именной группы». В первом разделе данной главы автор представляет свидетельства синтаксической репрезентации категории числа в виде синтаксической числовой вершины Num. В частности, обосновывается, что интерпретируемый признак числа, вводимый вершиной Num, и морфологическое число существительного могут быть независимы друг от друга. Так, например, существительные *singularia* и *pluralia tantum* могут обозначать как единичные, так и множественные сущности (*морковь, ножницы*); также в ряде конструкций морфологическое число может не соответствовать семантическому, значение которого недоопределено (*ремонт холодильников, платье с коротким рукавом*).

Расположение компонентов именной группы относительно функциональных оболочек исследуется на материале данных о согласовании в русском языке. Подробно рассматриваются два явления: предикативное согласование по числу с количественной группой (*три года прошло/прошли*) и атрибутивное согласование по роду для существительных, имеющих грамматический мужской род и используемых для обозначения лиц женского пола (*врач, редактор*). Интересными представляются наблюдения об употреблении собирательных числительных вместе с последней группой существительных. Устанавливается, что прилагательные, способные модифицировать только одушевленные существительные женского рода, неграмматичны, если они присоединяются до собирательного числительного: **двое беременных секретарей*. Е. А. Лютикова делает вывод о том, что признак женского рода в таких конструкциях не может появляться

ниже собирательного числительного. Кроме того, на материале рассогласования по роду иллюстрируется различие между малыми числительными *два* и *оба*. Автор предполагает, что *два* располагается ниже в структуре именной группы в сравнении с *оба* и не может получить признак женского рода, вследствие чего примеры типа *обе врача* встречаются значительно чаще, чем конструкции типа *две врача*.

Второй раздел главы уточняет базовое линейное расположение компонентов русской именной группы, привязанных к проекциям функциональных вершин. Е. А. Лютикова использует для этого данные двух феноменов. Во-первых, рассматриваются инвертированные именные группы с сортовой (*продукция рыбная*) и аппроксимативной семантикой (*минутки две*), для которых предлагается анализ через синтаксическое передвижение вершин. Во-вторых, анализируется сфера действия адъективных операторов, к которым автор относит прилагательные в превосходной степени, порядковые прилагательные и прилагательное *единственный*. Показывается, что наличие элементов левой периферии именной группы (указательных местоимений, притяжательных элементов) влияет на доступность разных интерпретаций предложения с адъективными операторами.

Важным результатом Е. А. Лютиковой является выделение особого типа постпозиции прилагательного — так называемой предикатной инверсии: *Актеры — существа хрупкие* (ср. с не предикатной инверсией: *Улица пустая производит ужасное впечатление*). Данные конструкции обладают ограниченной дистрибуцией, они занимают предикативную позицию в составе клаузы. Причем именная группа имеет нереферентный денотативный статус: *Ищу человека серьезного для общения*. Характерная особенность предикатной инверсии — десемантизованность

существительного или принадлежность к Данному, как в случае *Маша — шахматистка решительная*. Предикатная инверсия допустима для оценочных прилагательных, а также предикатов индивидуального, а не стадийного уровня, ср.: *Да вы сами-то девушки невысокие / *пьяные*. Особые свойства предикатной инверсии Е. А. Лютикова связывает с особенностями внутренней структуры таких именных групп, а именно: именные группы с предикатной инверсией не содержат именных функциональных проекций и представляют собой группу лексического существительного NP, а прилагательное в таких именных группах исходно располагается справа от именной вершины.

Завершают монографию разделы, посвященные изучению относительных клауз в структуре именной группы. На широком типологическом фоне (включая, помимо русского, такие языки, как удинский, адыгейский, эстонский, ирландский и др.) рассматриваются способы структурного соотношения между именной вершиной и относительной конструкцией, а также различные семантические типы относительных клауз: рестриктивные, аппозитивные и максимизирующие.

Русский язык предоставляет весомый аргумент в пользу связи рестриктивного относительного предложения с проекцией определителя D в безартиклёвых языках. Материалом служат именные группы с местоимением *тот* и именем собственным. Употребление указательного местоимения с именем собственным наиболее приемлемо при наличии рестриктивного определения, ср. ?*та Москва очаровывала туристов* против *та старинная Москва очаровывала туристов*. Причем *тот* при таких употреблениях сохраняет свою дейктическую функцию, что вызывает малую приемлемость сочетания *та сегодняшняя Москва*. Однако при добавлении относительного предложения указан-

ный семантический конфликт нивелируется: *та сегодняшняя Москва, которую строит Лужков*. Это подтверждает идею Е. А. Лютиковой о том, что для проецирования относительной клаузы необходима проекция определителя, которую в данном случае заполняет указательное местоимение *тот*.

Для аппозитивных клауз предлагается анализ, согласно которому относительная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы. Получается, что эмпирически адекватный анализ относительных клауз возможен только при условии, что расширенная проекция именной группы содержит более одной максимальной проекции. Предлагаемое направление анализа в равной степени мотивировано как для артиклёвых, так и для безартиклёвых языков. Таким образом, материал относительных клауз становится существенным аргументом в пользу универсальности синтаксического устройства именных составляющих в разноструктурных языках.

Итак, монография Е. А. Лютиковой подтверждает, что устройство синтаксической структуры именных составляющих не предопределяется наличием или отсутствием артикля в языке. Привлекая аргументы, касающиеся разных аспектов именной проблематики, автор делает фундаментальный вывод о том, что безартиклёвые языки демонстрируют такую же организацию семантико-синтаксического интерфейса, как и языки, имеющие артикль.

Отдельно хочется отметить композиционную стройность изложения. Каждый из приведенных аргументов представляет собой законченный теоретический сюжет, но при этом все описанные языковые явления складываются в целостную картину, дающую полное представление о проблематике

именной группы вообще и об устройстве именной группы в русском языке в частности. Книгу отличает точно выверенная логика, мотивирование тех или иных шагов анализа как с точки зрения эмпирических данных, так и в целях построения насколько возможно экономной и ёмкой теории.

Хотя работа проведена в рамках формального синтаксиса, монографию можно посоветовать и тем, кто не занимается формальным моделированием языковых явлений и больше привык к традиционным описаниям. Автор опирается на результаты традиционной русистики, ссылается как на отечественные, так и на зарубежные исследования. По каждой проблеме приводится история анализа, специальная терминология вводится отдельно, нередко устанавливаются аналогии с традиционными описаниями (ср., например, идею *актуализатора* в работах Е. В. Падучевой, который осуществляет ту же семантическую операцию, что и элементы категории D). При этом работу Е. А. Лютиковой характеризует внимательность к материалу и виртуозное владение эмпирическими данными.

В заключение хочется сказать, что монография Е. А. Лютиковой относится к тем работам, в которых читатель, увлеченный развитием научной мысли, поднимается до уровня исследователя и остается наедине с наукой. Хочу выразить надежду, что у читателя данного обзора будет возможность найти время внимательно и без суеты прочитать монографию и получить от чтения большое удовольствие.

Литература

Лютикова, Татевосов 2017 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Русский язык и формальная лингвистика // *Rhema*. Рема. 2017. № 4. С. 9–22.

Bošković 2008 — Ž. Bošković. What will you have, DP or NP? // *Proceedings of NELS*. Vol. 37. 2008. P. 101–114.

Kagan, Pereltsvaig 2011 — O. Kagan, A. Pereltsvaig. Bare NPs and semantic incorporation: objects of intensive reflexives at the syntax-semantics interface // *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell meeting*. 2011. P. 226–240.

A. A. Герасимова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
anastasiagerasimova432@gmail.com

Получено 20.04.2019

[Review of:] E. A. Lyutikova.
Noun Phrase Structure
in an Articleless Language. — Moscow: LRC Publishing House, 2018. — 440 p.

References

Bošković, Ž. (2008). What will you have, DP or NP? *Proceedings of NELS*, 37, 101–114.

Kagan, O., & Pereltsvaig, A. (2011). Bare NPs and semantic incorporation: objects of intensive reflexives at the syntax—semantics interface. In W. Browne (Ed.), *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell meeting* (pp. 226–240). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.

Lyutikova, E. A., & Tatevosov, S. G. (2017). Russkiy yazyk i formal'naya lingvistika. *Rhema*, 4, 9–22.

Anastasia A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University/
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)
anastasiagerasimova432@gmail.com

Received on April 20, 2019